
С. А. НЕФЕДОВ

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНЫХ КРУГОВ

(на основе анализа монгольских завоеваний)

Статья вторая^{*}

В целом тема социальных заимствований остается слабо разработанной. В то же время очевидно, что изменения в социальной структуре, вызванные монгольским завоеванием Руси, были весьма существенными. Одним из свидетельств изменений, по мнению археологов, было исчезновение практики захоронений представителей знати в больших курганах (Макаров 2003: 5, 8).

Сведения об административно-налоговой системе, установленной на Руси после монгольского нашествия, очень фрагментарны, однако метод сопоставления содержания тарханных грамот, использованный Х. Шурманом и Дж. Смитом, позволяет до некоторой степени восполнить существующие пробелы. Эти авторы использовали прежде всего ярлыки, данные ордынскими ханами русским митрополитам. Х. Шурман особо отмечает, что сравнение текстов этих ярлыков с текстами подобных указов, написанных на китайском, монгольском и тюркских языках, «открывает необыкновенное подобие в стиле, форме и содержании» (Schurmann 1956: 341). Ярлык Бердибека, датируемый 1357 г., дает освобождение от налогов в следующей формулировке: «...и какая дань ни будет или пошлина, не емлют у них ни подвод, ни корма, ни питья, ни запросов, ни почестия не взъдают». Ярлык Тюлюка (1379 г.) использует почти такую же формулу: «...ино никакова дань, ни которая пошлина, ни подвода, ни корм, ни питье, ни запрос, ни даров не дадут» (Памятники... 1955: 465, 469). Дж. Смит, сравнивая эти ярлыки с ордынскими тарханными грамотами, пришел к выводу, что «дань» и «пошлина» соответствуют стандартной форме *yasak qalan* ордынских грамот, следовательно, «дань» – это «ясак», а «пошлина» – это «калан» (Smith 1970: 48–60). И. Н. Березин также отме-

^{*} Статью первую см.: Нефедов, С. А. 2008. Теория культурных кругов (на основе анализа монгольских завоеваний). *История и современность* 1: 189–225.

чал, что русская «дань» соответствует «ясаку», а «пошлина» – «калану» (Березин 1864: 474, 475). Ясак был подушной податью, и имеются свидетельства, что первое время после нашествия дань собирали с душ – об этом пишет Плано Карпини (Путешествие... 1957: 55). С. М. Соловьев, рассказывая, как татары переписывали дома в Новгороде, делает вывод, что дань собиралась с дворов «без соображения со средствами плательщика» (Соловьев 1988: 508). Подробный лингвистический анализ позволил Дж. Смит установить, что везде, кроме Китая, монголы разделяли налоги на «старые», земельные, существовавшие до их прихода, и «новые», установленные завоевателями. К группе «новых» налогов относятся персидский «купчур», золотоордынский «ясак» и русская «дань», к группе «старых» – персидский и золотоордынский «калан» (он же «харадж»), а на Руси – «пошлина» (Smith 1970: 48–60). Легко заметить, что новые, введенные монголами, налоги – это одна и та же подушная подать, что «калан»-«харадж» – это действительно «старый» поземельный налог, в паре «старые» и «новые» налоги образуют подушно-поземельный налог – тот, который был в Китае и который Дж. Смит не смог разделить на «старый» и «новый». Но что же такое «пошлина», ведь налога с таким названием на Руси не было? Действительно, делать «по пошлине» означало на Руси делать «по-прежнему, по-старому», и в соответствии с трактовкой Дж. Смита «пошлина» – это просто общее обозначение «старых» налогов. Пытаясь расшифровать это понятие, Дж. Смит обращается к единственному ярлыку, сохранившемуся от XIII в., – это ярлык хана Менгу-Темира, датированный 1267 г. «...Которая дань, или поплужное, или подвода, или корм, или кто ни будет, да не просят, ям, воина, тамга, не дают» – такова формула ярлыка, дающая освобождение от налогов (Памятники... 1955: 467). В этой формуле стандартному выражению *yasak qalan* ордынских грамот соответствуют не «дань» и «пошлина», а «дань» и «поплужное», следовательно, «ясак» – это «дань», а «калан» – это «поплужное». Казалось бы, следует сделать вывод, что «старый налог», «пошлина» – это «поплужное», однако Дж. Смит почему-то заключает, что «пошлина» – это «поплужное» и «тамга» (Smith 1970: 48, 49, 57). «Тамга» была введена монголами, и, конечно, не может считаться «пошлиной», «старым налогом». Но как бы то ни было, главный «старый» налог, отличный от установленной монголами «дани», – это «поплужное».

Действительно, до прихода монголов на Руси существовала поземельная подать; в «Повести временных лет» под 981 г. говорится, что ее собирали с плуга и эта подать называется «данью». «В том же году победил Владимир вятичей и возложил на них дань – с каждого плуга, как и отец его брал». Однако из текста ярлыка Менгу-Темира следует, что «дань» и «поплужное» – разные налоги. Остается предположить, что старинная «дань» X в. ко времени монгольского завоевания сменила название на «поплужное». Однако и термина «поплужное» нет в русских источниках – зато есть «поралье» (рало – предшественник плуга). «Поральское серебро» упоминается в Новгороде около 1270 г.; позже, в начале XIV в., «поралье» было налогом, собиравшимся в пользу посадника и тысяцкого. Л. В. Данилова отмечает, что «поралье» иногда называли «данью» (Данилова 1955: 66) – по-видимому, в старом, домонгольском смысле, очевидно, для того, чтобы не путать старую «дань» с новой, новгородцы называли новую (монгольскую) дань «черным бором», что означает «повальная, поголовная подать». Различие между новой и старой «данью» было в том, что старую «дань» платили лишь крестьяне-смерды с «рала», это была поземельная подать, а новая «дань» была подушной (или подворной) податью.

Кроме того, по поводу старой (домонгольской) «дани» до сих пор ведутся споры, можно ли считать ее налогом. Хотя летописи и говорят, что эту дань устанавливали «с плуга», но ни о каком дальнейшем учете «плугов» нет сведений; переписи, очевидно, не проводились. Известно, к примеру, что в Смоленском княжестве сумма дани не менялась полвека (Алексеев 1980: 109); это означает, что с крестьянских общин требовали когда-то установленную дань, которая, конечно, уже не соответствовала ни «плугам», ни «дворам». М. К. Любавский в свое время утверждал, что правильное (с учетом числа плательщиков) налогообложение на Руси было установлено только после нашествия, и некоторые современные историки придерживаются близкой точки зрения (Любавский 1898: 482; Дворченко 1993: 220).

Источники прямо свидетельствуют о том, что монгольская дань распространялась на горожан, и надо особо отметить, что это было новым для Руси: ведь прежде горожане не платили прямых налогов (Хорошкевич, Плигузов 1989: 157). Но платили ли подушную подать крестьяне? В. Н. Татищев, передавая не дошедшую до нас летопись, сообщает, что в 1275 г. великий князь Василий Ярославич

«привез хану по полугривне с сохи, или с двух работников» (Татищев 1965: 51). Известия о том, что дань собиралась с «сох», мы встречаем и позже, но следует обратить внимание, что «соха» – это не пахотное орудие в буквальном смысле, а некая податная единица. Содержание этой податной единицы остается неясным: включала ли она еще что-то кроме «двух работников», были ли эти работники крестьянами или сюда включались и горожане, почему она называлась «соха», если речь идет только о «душах»? Более подробные сведения о «сохе» сообщает известная грамота середины XV века о порядке взимания «черного бора» с Новоторжских волостей (Грамоты... 1949: 38–39). Это были волости, на которые новгородцы перевели всю монгольскую дань с Новгородской земли; здесь не платили других податей (Янин 1983: 106–107); таким образом, налагаемый на «соху» «черный бор» включал все прямые налоги, которые платили новгородцы, в том числе и «поральное». Грамота сообщает, что за «соху» считались «два коня да третье припряжь», или лавка, или ладья, или кузница, или кожевнический «тшан» (или «црен»), а также, что «плуг» приравнивался к двум «сохам». Таким образом, с крестьян бралась поземельная подать по числу лошадей или плугов (по-видимому, это и было «поральное»); с горожан бралась поимущественная подать соответственно числу лавок, кузниц и т. д. Подворной же подати в XV в. уже не было. В отношении горожан очевидно, что существовавшая ранее подворная подать к этому времени сменилась на поимущественную (как отмечалось выше, эволюция в этом направлении шла и в других странах). Что же касается крестьян, то остается неясным, существовала ли для них подворная подать, и если она существовала, то когда исчезла?

В целом, однако, складывается картина, вполне соответствующая стандартной имперской налоговой схеме: крестьяне платят поземельный налог, исчисляемый через количество рабочих лошадей или плугов (совсем как в Китае и Персии); горожане же платят подворный налог, который затем дифференцируется и превращается в поимущественный (как и в других «улусах» империи). Заметим, что русская единица обложения «соха» (две-три лошади, которые запрягали в реальную соху или, скорее, в рало) равна половине «плуга», то есть половине персидского «джуфта»; эта разница

объясняется тем, что плуг был более мощным орудием и в него запрягали двух быков (Краснов 1987: 132)¹. Таким образом, не только сам поземельный налог, но и единицы его исчисления на Руси и в Персии были аналогичными, так что А. Л. Хорошкевич прямо называет этот налог «хараджем». Остается добавить, что и другие налоги были аналогичны общеимперским. «Тамга», как и в Китае, составляла 3 % цены товара. Далее в ярлыках упоминается «подвода» («улаг») – обязанность поставлять подводы на организованные монголами ямские станции, «питье» и «корм» («улуфэ») – обслуживание татарских чиновников и послов, останавливающихся на постой, «запрос» («колтка») – чрезвычайный сбор по требованию хана. На Руси, как и в других частях империи, была введена и всеобщая обязанность поставлять рекрутов («война»). От более позднего времени сохранились свидетельства о принудительных государственных закупках и торговых монополиях (аналог «тарха») (Соловьев 1988: 481; Флетчер 2003: 63–64).

Существовали также некоторые небольшие сборы, сохранившиеся со времен Киевской Руси и не упоминавшиеся в ярлыках. К числу таких сборов относились, в частности, торговая пошлина «осмничие» и подорожная пошлина «мыт»; эти пошлины шли в пользу русских князей.

Система монгольского управления на Руси в общем была такой же, как и в других областях империи. Киевщина и Черниговщина были взяты в прямое управление, а северо-восточные княжества отдавались в «улус» местным князьям, к которым были приставлены баскаки. Князья ездили на поклон к хану и получали ярлык – грамоту на управление улусом; этот ярлык мог быть в любое время отнят и передан другому князю. В 1257 году Монкэ назначил верховным даругачи Руси сына своего зятя по имени Китат; И. Бичурин переводит это имя просто «китаец». И вполне естественно, что китайскую налоговую систему на Руси устанавливали специалисты, присланные из Китая (Цит. по: Насонов 1940: 14; Вернадский 1997: 221–222). «Приехалше численици, исцетоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Мюромскую и ставиша десятники и сот-

¹ Две-три лошади обычно запрягали в рала; сколько лошадей запрягали в соху в XIV–XV вв., остается неизвестным, но в XVI веке запрягали только одну лошадь. В XIV–XV вв. соха была относительно новым орудием, ее формы менялись (были сохи с полицами и сохи без полиц), и, по-видимому, терминология еще не устоялась: «поральное» и «посошное» еще не различались.

ники и тысячники и темники», – говорится в летописи (ПСРЛ I: 474–475; Соловьев 1988: 488; Ostrowsky 2000: 535). А. Н. Насонов в свое время полагал, что таким образом монголы создали на Руси некую «военно-политическую организацию», но, как показал В. Л. Егоров, речь идет о делении «численниками» податного населения на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тьмы» (десятки тысяч) в податных целях по методу, предписанному Елюй Чуцаем, то есть о введении китайской системы объединенных круговой порукой «десятидворок» и «стодворок». Главой этой фискально-административной системы, по мнению В. Л. Егорова, был «великий баскак владимирский» (Егоров 1997: 53–54).

Термин «даругачи» (в русском произношении – «дорога») использовался на Руси сравнительно редко; по смысловому соответствию «дорога»-«путь», чиновники-«дороги» позднее превратились в «путников» и «путных бояр»; канцелярии (позднейшие «приказы») также называли «путями». Так же, как и в других частях империи, сбор налогов сначала отдавался на откуп, но затем эту практику отменили. Баскаки и дороги имели свой штат писцов-«битекачи», «даныщиков», «таможников» (сборщиков «тамги») и судей-«ярыг». В каждой волости была своя канцелярия («столец»), где сидели писцы и велись налоговые списки. Русские князья вполне освоили эту административную систему, и Дмитрий Донской, подчинив в 1377 г. Булгар, назначил в город своего «дорогу» и «таможника» подобно тому, как монголы назначали чиновников в русские города (Вернадский 1997: 365, 369; Насонов 1940: 105; ПСРЛ 1962, т. 15[1]: 116–117).

В терминах русских канцелярий сохранились следы уйгурской и китайской терминологии. «Битекачи» («бакшии»), «ярлык», «тамга», «товар», «ясак», «белег» (удостоверение личности), «батман» (мера веса), «сагчий» (сановник) – это уйгурские термины. Слово «книга» имеет китайское происхождение и буквально означает «свиток, сверток» (так же, как персидское слово «дафтар»); дело в том, что и в Китае, и в Персии, и на Руси писали по восточному обычаю – на свитках. Писцы-«бакшии» вели налоговую документацию, по-видимому, отчасти на уйгурском языке, и в XVI в. в царском архиве хранились «дефтери», которых уже никто не понимал. Китайское происхождение имеет и принятый на Руси обычай подачи прошений, русское «челобитье» является переводом китайского «коу тоу» (китайский обычай коленапреклонения был

привнесен монголами и в другие покоренные ими страны). Слитки серебра, «саумы», которыми русские платили дань в Орду, имели традиционную форму китайского «ляна». Русские счета тоже заимствованы из Китая – это приспособление называется в Китае «суан-пан» (Словарь... 1977; Фасмер 1964; Березин 1864: 455; Ostrowski 2000: 534; Бобынин 1897: 264; Очерки... 1977: 236; Спасский 1960: 37; Веселовский 1911: 14–15).

В формировании русской административной системы принимали участие и мусульманские чиновники, арабы и персы. Держава ильханов была наиболее могущественным государством в западной части монголо-китайского культурного круга, поэтому значительная часть заимствований шла через Персию. Термины «деньги», «печать», «папирус», «папка» (для бумаг), «киличей» (посол), «лафа» (жалованье) имеют арабское или персидское происхождение. Так же, как и в Персии, основным правительственным учреждением на Руси была Казна («казине»); известно, что в Казне хранились налоговые росписи, которые и в России, и в Персии называли «дефтери». Нужно отметить, что на Руси ходили ордынские медные деньги с номинальной стоимостью («пула») (Преображенский 1958; Вашкевич 1994: 149; Духовные... 1950; Греков, Якубовский 1950: 131; Кулишер 1925: 379).

Относительно заимствования элементов социальной структуры можно отметить мнение Г. В. Вернадского и Х. Шурмана о том, что княжеский «двор», как военная свита князя и центр управления, происходит от «орду» чингизидов (Вернадский 1997: 372; Schurmann 1956: 348). Р. Г. Ланда и М. Г. Худяков проводят параллели между служившими при дворе русскими «детьми боярскими» и татарскими «огланами» (Ланда 2000: 24; Худяков 1996: 710). Русские «богатыри», очевидно, соответствуют монгольским «багатурам», а «рынды» – вооруженным топорами телохранителям монгольских ханов (Веселовский 1911: 18). Некоторые авторы считают, что русский обычай местничества имеет монгольское происхождение; известно также о существовании на Руси «тарханов» (Насонов 1940: 63; Ostrowski 2000: 537; Веселовский 1911: 133).

В целом можно сделать вывод, что завоеватели установили в русских княжествах в основных чертах ту же административную и налоговую систему, что и в других частях империи. Конечно, дальнейшая эволюция этой системы сопровождалась процессами социального синтеза, и уже через полвека мы видим существенные

перемены: баскаки уходят и власть концентрируется в руках князей. Однако первоначальный результат очевиден: *монголы пытались создать на Руси государство китайского образца.*

Литература

Алексеев, Л. В. 1980. *Смоленская земля в IX–XIII вв.. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии.* М.

Березин, И. Н. 1864. Очерк внутреннего устройства улуса Джучидов. *Русское археологическое общество. Восточное отделение. Труды.* Т. 8.

Бобынин, В. В. 1897. Лекции истории математики. *Физико-математические науки в их настоящем и прошлом.* Т. XIII (3).

Вашкевич, Н. 1994. *За семью печатями.* М.: Дека.

Вернадский, Г. В. 1997. *Монголы и Русь.* Тверь: Леан; М.: Аграф.

Веселовский, Н. И. 1911. *Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории.* СПб.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. – Л., 1949.

Греков, Б. Д., Якубовский, А. Ю. 1950. *Золотая Орда и ее падение.* М.

Данилова, Л. В. 1955. *Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле.* М.: Изд-во АН СССР.

Дворченко, А. Ю. 1993. *Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.).* СПб.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Егоров, В. Л. 1997. Александр Невский и Чингизиды. *Отечественная история 2.*

История Европы. Т. 2. М., 1992.

Краснов, Ю. А. 1987. *Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы.* М.

Кулишер, И. М. 1925. *История русского народного хозяйства.* Т. 1. М.

Ланда, Р. Г. 2000. Россия и ислам: взаимодействие культур. *Восток 5.*

Любавский, М. К. 1898. *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута.* М.

Макаров, Н. А. 2003. Русь в XIII в.: характер культурных изменений. *Русь в XIII в. Древности «темного» времени.* М.: Наука.

Насонов, А. Н. 1940. *Монголы и Русь.* М. – Л.: Изд-во АН СССР.

Очерки истории русской культуры XVI в.: в 2 ч. / под ред. А. М. Сахарова. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1977.

Памятники русского права. 1955. Вып. 3. М.: Госюриздат.

ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 1, 2, 15. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Преображенский, А. Г. 1958. *Этимологический словарь русского языка*. М.: ГИИНС.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.

Соловьев, С. М. 1988. *Сочинения*. Кн. II. М.: Мысль.

Спасский, И. Г. 1960. *Русская монетная система*. М.: Учпедгиз.

Татищев, В. Н. 1965. *История Российская*. Т. 5. М. – Л.: Наука.

Фасмер, М. 1964. *Этимологический словарь русского языка*. Т. IV. М.: Прогресс.

Флетчер, Дж. 2003. О государстве Русском. *Россия XVI века. Воспоминания иностранцев*. Смоленск.

Хорошкевич, А. П., Плигузов, А. И. 1989. Русь XIII столетия в книге Дж. Фенелла. В: Фенелл, Дж., *Кризис средневековой Руси. 1200–1304*. М.

Худяков, М. Г. 1996. Очерки по истории Казанского ханства. *На стыке континентов и цивилизации (из истории образования и распада империй X–XVI вв.)*. М.: Инсан.

Янин, В. Л. 1983. «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. М.: Изд-во МГУ.

Ostrowski, D.

1998. *Muscovy and the Mongols: cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589*. Cambridge (Mass.).

2000. Muscovite Adoption of Mongol-Tatar Political Institutions: A Reply to Halperin's Objections. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1(2).

Schurmann, H. F. 1956. Mongolian Tributary Practice of the Thirteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 19: 367–370.

Smith, J. M. 1970. Mongol and Nomadic Taxation. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 30.